

Глава 18. Последний урок

После завтрака мы все вместе отправились в Спортивный город. Увидев Гао Нина, который за время своих «подвигов» почернел, как уголь, директор так обрадовался, что захолопал в ладоши.

Гао Нин, до этого мучимый совестью за то, что не оправдал ожиданий, теперь был готов на всё. Поэтому, когда директор предложил ему поучаствовать вместе со мной в съёмках рекламных фото и роликов для клуба тхэквондо, Нин-нин закивал так часто, что едва не расшиб себе лоб.

Как выразился директор, раньше мы оба были беленькими и нежными, точно из тонкого фарфора. Любоваться нами — одно удовольствие, спору нет, но для боевых искусств нам не хватало резкого контраста, визуальной мощи. А теперь — идеальная пара: чёрное и белое, нежность и сталь.

Гао Нин, слушая эти дифирамбы, расплылся в самодовольной ухмылке. Эх, парня только похвали — и его уверенность в себе вздымается, как приливная волна в Чжэцзяне. Охватит с головой!

Последние два дня занятий Цзюй Лэсин посвятил интенсивному восстановлению Гао Нина, а заодно заставил нас до автоматизма оттачивать базовые шаги и удары ногами. Директор же в это время привёл ораву профессионалов. Нас, десяток самых симпатичных и старательных ребят, подкрасили, припудрили и выставили перед объективами. Целый день мы прыгали и махали ногами перед камерами, пока дело не было сделано.

В последующие годы, стоило начаться зимним или летним каникулам, мы неизменно возвращались в этот клуб тхэквондо. Даже когда они переехали из Спортивного города в фитнес-клуб ХХ, мы последовали за ними. И каждый раз перед концом смены директор всегда ставил нас в центр новых рекламных материалов.

Впрочем, я настоял на том, чтобы держаться в тени, и запретил печатать моё лицо на листовках. Так что официальным лицом клуба тхэквондо стал Гао Нин. Ему это только в радость — он обожает внимание и толпы поклонников, так что в своей роли купался, как сыр в масле.

Нашим тренером неизменно оставался Цзюй Лэсин. Я всем сердцем надеялся на это, хотя и мечтать не смел. В школе учителя меняются каждый год, а то и семестр — нравится тебе это или нет, но срок вышел, и пути расходятся. Я давно привык относиться к этому спокойно.

Но Цзюй Лэсин был иным. Он не походил на случайных прохожих в моей жизни. Я чувствовал, что его привязанность искренняя — он любил меня так, словно я был его собственным сыном. С годами это чувство крепло, превращаясь в нечто глубокое, почти родственное.

Обычно я не обращал внимания на синяки и ссадины, полученные на татами, но он — всегда замечал. После тренировок, когда он вёл меня отмываться в душевую для тренеров, он смотрел на меня с нескрываемой жалостью, и его взгляд был глубоким, как лесные озёра, при виде моих ушибов. Мы, мужчины, не привыкли к нежностям, и он не выражал этого словами, но я и так всё понимал.

Когда закончилось последнее занятие, в зале повисла атмосфера светлой грусти. Стайка девчонок окружила нас, прощаясь так трагично, будто мы уходили на фронт. Казалось, дай им волю — они бы засунули нас в ксерокопии и размножили, чтобы каждой досталось по кусочку.

Кое-как отделавшись от них, мы переглянулись с Цзюй Лэсином. Сделав вид, что нам очень нужно в туалет, мы дождались, пока зал окончательно опустеет, и проскользнули обратно.

— Хотите выучить последний приём? — спросил Цзюй Лэсин, впившись в нас пронзительным взглядом. Когда он говорил о чём-то действительно важном, он всегда смотрел прямо, не давая отвести взор.

Мы дружно закивали. Упустить возможность научиться чему-то особенному? Только дурак откажется!

Удовлетворённо кивнув, наставник встал в боевую стойку и приказал нам атаковать его, используя всё лучшее, что мы узнали. Судя по всему, нам собирались преподать некий секретный «смертельный приём». Сердце забило от предвкушения.

Я приподнял бровь, глядя на Гао Нина, и с яростным криком бросился вперёд. Удар с разворота в грудь, прямой удар в живот — я выложился на все сто, но в следующую секунду мы, два самонадеянных новичка, с грохотом отлетели в разные стороны.

Приходя в себя и разглядывая золотые искры, я увидел, как Цзюй Лэсин неспешно подходит к нам и садится на пол. Мы, пошатываясь, подползли ближе и тоже сели. Что это был за приём, мы даже разглядеть не успели, но сила была пугающей. Внутри всё ныло от боли.

— То, чему я вас сейчас научил, называется «Стыд и честь», — негромко произнёс Цзюй Лэсин.

— А? — Мы с Гао Нином недоуменно переглянулись. Что за шутки? В самый первый день нам вдалбливали принципы тхэквондо: этикет, стыд и честь, терпение, самоконтроль и непоколебимый дух. Неужели в самом конце он решил потчевать нас теорией?

— Вы способные ребята, — наставник сменил тон, и он посмотрел на нас с глубокой заботой. — На этом потоке вы были лучшими. Но... Знаете ли вы, сколько детей в этом городе, в этой стране сейчас занимаются тхэквондо? И сколько среди них тех, кто одарённее вас? Стоит вам выйти за порог этого зала, и всё ваше мастерство, все эти «два приёма, три удара» не будут стоить и ломаного гроша. Понимаете?

Ч-ч-то?!

Слова тренера подействовали как ушат ледяной воды. Мы, мнившие себя «мастерами кунг-фу», сидели повесив носы. С самого детства мы были королями дворовых драк, мы растём, становимся сильнее... И вот, после курса тхэквондо, нам говорят, что мы — просто желторотые цыплята, зря переводящие рис?

Внутри всё клокотало от обиды, но то сокрушительное падение мгновением ранее выжгло осознание глубоко в памяти. Позже, лёжа в кровати и прокручивая в голове каждое слово Цзюй Лэсина, я понял: это было горько, но необходимо. Чистая правда. С нашими детскими кулачками и короткими ногами против настоящего мастера мы — никто. И какой смысл тешить себя иллюзиями?

Позже, перед окончанием каждой каникул, Цзюй Лэсин давал нам этот личный урок. Делом доказывая наше ничтожество, он неустанно напоминал нам о стыде и чести. Он бережно стачивал ту заносчивость и легкомыслие, что неизбежно растут вместе с мастерством. Он не хотел, чтобы, потеряв его из виду, мы забыли, чего стоим на самом деле, и пострадали. Чем старше я становился, тем яснее понимал, насколько своевременной и искренней была эта суровая забота.

Двух «побитых цыплят» наставник повёл в фуд-корт на прощальный обед. Он заказал мои самые любимые блюда и взял две банки пива. Себе — целую, а нам разлил по маленьким стаканчикам.

На душе было невыносимо тоскливо. Расставание и так далось бы нелегко, а уж после удара по самолюбию и вовсе стало тошно. Цзюй Лэсин сидел напротив, шутил, пытался нас развеселить. Гао Нин, не будучи с ним так близок, как я, ещё старался вежливо отвечать. А я — нет. Даже когда он сам подкладывал мне в рот сочную мясную тефтелю, я лишь молча жевал, не проронив ни звука.

После обеда он проводил нас до ворот Спортивного города. Мы поклонились на прощание, он с улыбкой кивнул. В тот миг, когда мы повернулись, чтобы уйти, у меня в носу защипало, а глаза подозрительно увлажнились.

— Сюэлин!

Стоило ему окликнуть меня, как я развернулся и, словно поезд на всех парах, влетел в его широко раскрытые объятия. Этот густой, терпкий мужской аромат дарил мне одновременно и боль, и чувство бесконечного тепла.

— Малыш... я буду скучать... — услышал я его тихий шёпот. Позже я долго сомневался, не померещилось ли мне это в порыве чувств. Я был слишком взвинчен, слёзы обожгли лицо и хлынули прямо ему на грудь.

— Сюэлин, ну же, будь умницей, — ласково утешал он меня, поглаживая широкой ладонью по спине. Его тепло, казалось, прошивало насквозь даже плотную зимнюю одежду, заставляя меня мелко дрожать.

— Тише... Летом обязательно приходи сюда, снова будем заниматься вместе. Договорились? — прошептал он мне на ухо.

— А?!

Я вскинул голову, ошеломлённый и радостный, не зная, плакать мне или смеяться. Я судорожно пытался понять, не ослышался ли. Он смотрел на моё заплаканное лицо, и в его бездонных глазах мерцал ласковый свет. Свет бесконечной любви.

— Это правда. Обещаю.

Он подтвердил это вслух, и в этом коротком слове веса было больше, чем в любой клятве.

<http://bllate.org/book/17483/1695501>